

Наиль Мухарямов
(Казань)

ИСЛАМ В ПОВОЛЖЬЕ: ПОЛИТИЗАЦИЯ НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ИЛИ ОТЛОЖЕННАЯ?

Волго-уральский регион – фантастичен!
Пространство с ключевым каркасом городов-миллионников:
Нижний Новгород, Казань, Пермь, Уфа, Самара,
Саратов-Энгельс, Челябинск, Екатеринбург, Волгоград.
Плюс Оренбург и Астрахань – наши каспийские и средне-
азиатские ворота. Эти города вырабатывают и ключевой
промышленный, и ключевой когнитивный продукты,
они же абсорбируют, в основном, все человеческие, товарные
и финансовые потоки (минус Москва, Питер и еще
несколько городов России) в них реализуются планы
по созданию торговых и промышленных империй центра
страны и т.д., и т.п. Здесь же пересекаются два ключевых
евразийских коридора: Трансиб и волжско-каспийский
южный коридор. Сюда же придется основной удар
миграционных потоков с Юга.
...Волго-уральский регион – новая опорная земля России.
Все интересное, наиболее значимое для будущего
России будет происходить там.

Сергей Градировский

ВВЕДЕНИЕ

В Приволжском федеральном округе, который включает восемь областей, один автономный округ и шесть - каждую третью из национальных республик страны, проживает около 40 процентов российских мусульман. Уже по этой причине рассмотрение особенностей ислама в Поволжье представляется делом актуальным и значимым.

Мусульмане Поволжья в наши дни по общему восприятию – за исключением, разве что, особо идеологизированных алармистов из стана ультраконсервативной национально-патриотической российской мысли – представляют собой миролюбивое и толерантное сообщество, укорененное в окружающей социокультурной среде, в присущем ей образе жизни.

Часть 1. ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН И ЕГО ОСОБЕННОСТИ В ПОВОЛЖЬЕ

Один из общепринятых в политической науке приемов анализа связан с использованием категории «политическое участие», которая позволяет выявлять формы и степень вовлечения акторов в процесс принятия политических решений, их включения во властно-управленческие отношения. Политическое участие – автономное или мобилизованное, индивидуальное или коллективное (массовое); легально-конвенциональное или нелегальное; постоянное или эпизодическое – служит эмпирически наблюдаемым показателем политизированности, в том числе – в связи с религиозными институтами. На групповом (коллективном) уровне качественными характеристиками политического участия выступают формы артикуляции интересов – голосование на выборах или протестная деятельность; неформальная группа или социальное движение; содействие партии или кандидату; контакты с чиновниками или участие в демонстрациях. Политическое участие, наконец, принимает различные структурные и институциональные очертания: создание партийно-политических объединений, различных групп интересов (от неупорядоченных и неассоциативных до институциональных и ассоциативных).

Какова ситуация с политическим участием мусульман Поволжья?

Прежде всего, опыт 90-х годов дает основания для констатации: мусульманские круги Поволжья (на индивидуальном уровне – политические деятели, являющиеся выходцами из здешних регионов) не были инициаторами создания общефедеральных партийно-политических структур исламской ориентации или окраски. Создававшиеся же на локальном уровне мусульманские политические организации не могли добиться значимой общественной поддержки, стать эффективным инструментом давления на власти в субъектах Российской Федерации или влиятельным игроком на арене регионального политического процесса (в республиках – из-за подконтрольности светским правящим элитам, а в областях – из-за недостаточного электорального «веса»).

За небольшими исключениями все попытки создания общероссийских исламских партийно-политических структур исходили от фигур и центров влияния за пределами регионов Поволжья.

«Исламская партия возрождения» была учреждена в 1990 году как общесоюзная на первом съезде в Астрахани, иными словами – географически в Нижнем Поволжье. Однако после распада СССР на ее базе возникли самостоятельные партии в новых независимых государствах. «Исламская партия возрождения России» была зарегистрирована в Дагестане, а ее оргкомитет – в Москве. Председателем партии стал аварец по происхождению Ахмедкади Ахтаев, его заместителем – Гейдар Джемаль, пресс-секретарем и фактическим идеологом – Валиахмед Садур. Если в Дагестане А. Ахтаеву удалось победить на выборах в Верховный Совет республики, то в центральной России, по словам А Малашенко, «ИПВ оставалась клубом нескольких постоянно полемизировавших друг с другом

интеллектуалов». В Поволжье, несмотря на активность последователей ИПВ (в первую очередь М. Бибарсова) создать партийные структуры не удалось. Региональная конференция отделения ИПВ европейской части СНГ и Сибири состоялась в Саратове в апреле 1992 года и проходила под знаком начавшейся суверенизации Татарстана и Башкортостана, отгеснив на задний план как общеисламскую проблематику, так и ситуацию на Северном Кавказе. Это, по существу, стало началом раскола в ИПВ и предвестником ее фактического ухода в политическое небытие в 1994 году ¹.

Общероссийское общественно-политическое движение «Нур», распространившее свою деятельность на 56 субъектов РФ, стало одним из первых мусульманских объединений в стране, получивших официальную регистрацию. Движение было зарегистрировано 9 мая 1995 года. Его лидеры – Вафа Яруллин (имам мусульманской общины г. Коврова во Владимирской области) и Максуд Садиков. Идеологическое позиционирование «Нур» изначально было связано с решительным отмежеванием от национализма и «отрабатывалось в русле идеологии интернационализма» ². Отмечалось, что «Нур» пользуется поддержкой ЦДУМ во главе с Талгатом Тажутдином. Оба эти обстоятельства повлияли на то, что деятельность регионального отделения «Нур» в Республике Татарстан, например, разворачивалась в 1996 году с большим трудом и заметным явлением политической жизни отнюдь не стала ³. На выборах в Государственную Думу РФ по спискам «Нур» баллотировался видный идеолог татарского национального движения, придерживающийся весьма радикальных позиций и весьма далекий от «идеологии интернационализма» Айдар Халим. На выборах 17 декабря 1995 года «Нур» заняла 22-е место из 43, внесенных в общероссийский «партийный» список по федеральному избирательному округу, получив 0,58% голосов (в Чечне и Ингушетии – 23%, в Татарстане – 5%, в Башкортостане – 1,25 %). В сельских избирательных округах Татарстана, в которых большинство населения составляют татары, «Нур» смогла собрать 6,25% голосов, а в городских ей не удалось войти в пятерку партий-лидеров. В то же время совокупная доля голосов, поданных за коммунистов, в республике составила 22,8%. Это ставит под сомнение в Татарстане электоральные шансы политических сил, отождествляемых с исламом ⁴.

«Союз мусульман России», образованный в 1996 году, образованный в 1996 году, стал наряду с «Нур», по словам А. Малашенко, свидетельством того, что «единожды начавшись, процесс политизации ислама развивался уже по собственной внутренней логике, и остановить его можно было только с помощью запретов» ⁵. В мае 1995 года на конференции в городе Сибее (Башкортостан) генеральным секретарем СМР был избран сподвижник В.Жириновского по ЛДПР А. Халитов. Затем, в начале сентября 1995 года на учредительном съезде в Москве, на котором проявились определенные противоречия между татарами-москвичами и кавказцами, генеральным секретарем СМР был избран саратовский имам М. Бибарсов. Однако не сумев должным образом подготовиться к регистрации в российском Центризбиркоме СМР не принял самостоятельного участия в выборах в

Госдуму в 1995 году, войдя в союзнические отношения с черномырдинским блоком «Наш дом – Россия». В 1996 году председателем СМР стал известный деятель лакского движения в Дагестане Надир Хачилаев, который в декабре того же года одержал победу на дополнительных выборах в Государственную Думу, постепенно превратившись в одного из самых известных радикальных мусульманских политиков России (несмотря на то, что незадолго до этого он не имел достаточной религиозной подготовки). Приход к руководству СМР А.-В. Ниязова и Н. Хачилаева, не связанных с мусульманскими кругами в Поволжье, объективно представлял «вызов», прежде всего, по отношению к татарской исламской элите в регионе, в Москве и в России в целом. Однако события 1999 года, связанные с вторжением ваххабитов в Дагестан и участием в этом некоторых деятелей СМР, ослабили действие этого фактора.

Создание в октябре 1998 года движения «Рефах» («Благодеяние») под председательством А.-В. Ниязова, избранного в декабре 1999 года в Государственную Думу по спискам пропутинского «Единства», свидетельствует, кроме всего прочего, и о том, что электоральный ресурс СМР самими его лидерами начал восприниматься как иссякающий.

Единственная попытка создать общероссийскую мусульманскую исламскую политическую организацию на социальной базе мусульман Поволжья и под руководством собственных (а не московских или кавказских деятелей) – общественно-политическое движение «Мусульмане России» по инициативе и во главе с Мукаддасом Бибарсовым (13-14 апреля 1996 года, г. Саратов). Фарит Асадуллин, избранный тогда в политсовет движения помощник главы московского муфтията Р. Гайнутдина говорил на съезде, что мусульманское духовенство становится реальной политической силой.

Фактически же движение «Мусульмане России» не смогло развернуть свою деятельность на общероссийском политическом пространстве, потеснив СМР, и «по сути осталось региональной организацией, чье влияние распространялось лишь на некоторые области Среднего Поволжья», в последствии сосредоточившись на саратовских областных проблемах ⁶. Как отмечали по этому поводу эксперты, «Союз мусульман России» более активно действует на Северном Кавказе» и среди кавказской диаспоры в Москве, а «Мусульмане России» видят опору в центральных регионах России, в Поволжье. Определенное размежевание мусульманских политических движений, как отмечалось со ссылкой на слова М. Бибарсова, связано с «неоднородными психологическими проблемами» мусульман различных регионов: для татар и башкир наиболее опасна ассимиляция, для мусульман Северного Кавказа главная проблема – все аспекты чеченской трагедии ⁷.

Эксперимент с созданием широкой коалиции мусульманских политических организаций был связан в 1999 году с созданием общественно-политического блока «Меджлис» («Нур», «Всероссийский исламский конгресс», «Мусульмане России», «Рефах») под председательством главы компании «Нефтегаз» Леонарда Рафикова также завершился ничем. От

планировавшегося сначала самостоятельного участия в думских выборах 1999 года было решено отказаться и войти в кампанию в составе движения «Наш дом – Россия».

«Последний виток политической активности мусульманских этнократов пришелся на избирательный цикл 1998-2000 гг.», - пишет Ж.Т. Тощенко. На парламентских выборах 1999 г. выступавший в блоке с «Единством» «Рефах» провел в Думу 5 депутатов. Всего в составе Госдумы оказалось 12 мусульман (при том, что численность мусульман в стране составляет по разным оценкам от 14 до 20 миллионов – Н.М.). Это побудило А.-В. Ниязова выступить с инициативой создания в российском парламенте особой мусульманской фракции, которая существовала в Думе Российской империи еще в начале XX века ⁸.

В целом, можно уверенно предположить, что с принятием нового российского избирательного законодательства и законодательства о политических партиях, запрещающего создание политических партий на этнической и конфессиональной основе, процесс партийно-политического структурирования в общероссийских масштабах на собственно мусульманской основе в обозримом будущем продолжения иметь не будет.

В качестве одного из возможных вариантов идеологического «перезаформирования» в направлении продолжения таких попыток следует расценивать факт создания А.-В. Ниязовым в середине марта 2001 года на основе Общероссийского политического общественного движения «Рефах» Евразийской партии России (ЕПР), которая считает «своей основной задачей разрешение национального вопроса в России» ⁹. Создание ЕПР получило достаточно заметное PR-овское сопровождение в московских СМИ. Тогдашний глава Чеченской Республики Ахмат Ходжи Кадыров говорил: «Показательно, что людьми вброшенными евразийские идеи в современное политическое пространство России, оказались именно мусульмане. Первыми, кто заявил о создании Евразийской партии, были депутаты Госдумы РФ – мусульмане. Евразийство в современном его понимании не только приемлемо для мусульман, но и является фактически их социально-политическим видением» ¹⁰.

Однако идеи евразийства при всей их пестроте – от «официального» евразийства Н. Назарбаева или М. Шаймиева («Татарстан – готовая реальная модель евразийского сообщества» ¹¹) и до соответствующих антиамериканских и антизападных геополитических доктринальных конструкций – не могут рассматриваться надежной формой самостоятельной политической активности мусульман. Далее, ЕПР А.-В. Ниязова досталась отнюдь не свободная политико-идеологическая «ниша». Ниязовскому евразийству предстояла конкуренция с влиятельным идеологом и лидером соответствующего направления в российской политико-интеллектуальной жизни, возглавляющим общероссийское политическое общественное движение «Евразия» А. Дугиным. В состав политсовета «Евразии» входит глава ЦДУМ Талгат Таджутдин, раввин Авраам Шмулевич, глава отдела порелигиозному обзаванию РПЦ, игумен Иоанн Экономцев, лидер

израильской партии «За родину» Авигдор Эскин. А. Дугин объявлял, что Талгат Таджутдин и всё ЦДУМ являются коллективными членами движения «Евразия». Наблюдатели констатировали в свое время, что активность «Евразии» оставляет далеко позади «Рефах»¹². По мнению А. Дугина, именно евразийский ислам (в том числе – ислам на территории бывшего СССР) обладает наибольшим религиозным потенциалом, поскольку «это созерцательный, мистически углубленный в основы собственной веры ислам». Исламская умма евразийской ориентации противопоставляется при этом исламским народам, ориентированным на Америку¹³.

Разумеется, при прочтении всего этого могут возникнуть вполне законные вопросы. О какой, например, «мистически углубленной» вере можно говорить в условиях доминирования бытовых и обрядовых форм религиозности в массе российских мусульман в центральной России? Можно ли рассматривать сам феномен «евразийского ислама» в отрыве от Турции с ее нынешним специфически исламистским режимом, с членством в НАТО, с устремленностью в ЕС, экспансией в тюркоязычные зоны и проч.? От суждений А. Дугина, как минимум, остается впечатление тактической комплиментарности по отношению к российскому исламу.

Далее, А. Дугин усиленно акцентирует не столько исламский, сколько татарский фактор: «Я считаю, что татары и есть концентрированное выражение тюрков. Они наиболее евразийский тюркский народ. ...Они более всех наследники ордынского принципа. ...Мне рассказывал один бизнесмен, как на приеме, когда пели песню «Золотая моя столица», Минтимер Шарипович говорил: «Золотая моя Орда» - и это очень показательно. Великий Татарстан – это и есть великая Евразия, великий Татарстан – это и есть великая Россия, и это отношение к нашей государственности, которое создавалось усилиями поколений, альянсом тюрко-славянских, туранских энергий»¹⁴.

Подводя промежуточные итоги, можно сказать, что попытки создания общероссийских мусульманских партийно-политических структур не привели к появлению какого-то единого центра влияния в федеральных масштабах. Усилия в этом направлении были рассредоточены в политическом пространстве и приходились, главным образом, на те его точки, которые расположены вне Поволжья.

Положение мусульман в этой части страны, с одной стороны, ситуация на Северном Кавказе и в соответствующих сегментах диаспоры, с другой стороны, политические амбиции лидеров из числа московских татар, с третьей стороны, - все это препятствовало политической консолидации российских мусульман и формированию предпосылок для их политической субъектности.

Наконец, ни в общероссийском, ни в поволжском контекстах создававшиеся мусульманские движения не стали реальным инструментом реального политического представительства групп мусульманского населения ни в составе корпуса российских законодателей, ни перед лицом федеральной исполнительной бюрократии. Не стали эти

движения и организации (судя по данным электоральной статистики) в целом сколь либо заметным или значимым каналом политического участия российских (в том числе – поволжских) мусульман. Это, скорее, то были способы достижения даже не столько усиления политической роли мусульманского духовенства, сколько функцией участия в политической конкуренции категории «претендентов» на вхождение в федеральную политическую элиту деятелей, для которых была доступна, в силу этнокультурной принадлежности, своеобразного «исламского» ресурса. Этот ресурс (возможно, не без оснований) рассматривался как более мощный, точнее – многообещающий, по сравнению с ресурсом этническим или этнически-локальным – «татарско-республиканским», «башкирско-республиканским», диаспорным», «языковым» и проч.

На **региональном** уровне перспективы политического участия мусульман в 90-е годы прошлого столетия также увязывались с созданием политических организаций с присутствием религиозных (чаще – квазирелигиозных) моментов в программах и тактических средствах.

Наиболее, пожалуй, диверсифицированный характер эти процессы имели в Республике Татарстан.

В 1990 году из Татарского общественного центра (ТОЦ) выделилось его радикальное крыло во главе с Фаузией Байрамовой – «Татарская партия национальной независимости «Иттифак» (зарегистрирована Минюстом РТ в январе 1992 г.). В деятельности партии существенное место занимал исламский фактор – декларации о необходимости исламизации общества, о введении в практику судопроизводства норм шариата, требования по возвращению верующим культовых зданий, лозунги исламской солидарности (выражение поддержки единоверцам из Чечни, Косово, Афганистана). Электоральные неудачи «Иттифак» на выборах середины 90-х годов привели к тому, что Ф. Байрамова все чаще стала демонстрировать разочарование в татарском народе, оказавшимся, по ее мнению, слишком слабым перед лицом ассимиляции. Главным средством защиты от русификации при этом становились исламские ценности, понятые в консервативном (анти-джадидистком) ключе. Параллельно происходил отказ от первоначального антикоммунизма. Однако реальной политической силой «Иттифак» не стал, располагая, по свидетельству социологов, социальной поддержкой, не превышающей в своих максимальных показателях 3% респондентов-татар, включая сельских жителей¹⁵.

«Милли Меджлис» (Национальный парламент татарского народа), по замыслу лидеров национального движения, должен был стать в начале 90-х годов органом политического представительства татар-мусульман, включая принципы экстерриториальной национально-культурной автономии. Первый курултай (съезд) ММ состоялся 1-2 февраля 1992 года. Идеологическая платформа ММ – «Канон (Конституция) татарского народа», принятый в 1996 году. Возрождение татарской нации, как сказано в документе, должно основываться на принципах национализма, тюркизма и исламизма. В

религиозной доктрине ММ предполагалась приоритетность шариатских норм по сравнению с конституционными. Исламу при этом придавалась крайняя консервативная направленность в борьбе с главным врагом татарского народа – «еврейско-христианской цивилизации», понимаемой также в контексте «теории заговора» и западной угрозы, нацеленной на разложение татарской и русской наций. «Западная (еврейско-христианская) демократия, спекулируя именем народа, по сути служит элитарной прослойке общества. При такой системе управления народ превращается в безвольную толпу, в куклу в руках политических партий»¹⁶. Первоначальная поддержка идей создания инструмента татарского национального представительства давала, по данным опросов 1992 года, до 30 процентов респондентов-татар. Однако власти Татарстана своевременно и эффективно перехватили инициативу и создали такой инструмент, как Всемирный конгресс татар с его постоянно действующим Исполкомом ВКТ. Наряду с непрекращающимися дразгами в верхушке ММ, это предопределило минимизацию идейного и политического влияния ММ в республике. Иными словами, реального инструмента политического представительства интересов собственно мусульман на республиканском уровне не возникло и на этот раз.

В Татарстане в 19996 году была предпринята попытка создать общественно-политическое движение «Мусульмане Татарстана», представляющее часть радикального крыла национального движения во главе с тогдашним муфтием ДУМ РТ Габдулхаком Галиуллиным. Решение об этом было принято в рамках планировавшегося учреждения республиканской организации мусульманского движения «Нур». В ноябре 1998 года движение «Мусульмане Татарстана» было переименовано в общественно-политическое движение «Омет» («Надежда»), которое получило регистрацию в республиканском Минюсте. В качестве идеологической основы движения признавался уже названный «Канон татарского народа», что предполагало главное стратегическое направление – возрождение мусульманских народов, содействие государственным органам в выработке политики, отвечающей интересам мусульман. Однако в 1998-1999 годах оппозиционный курс руководства «Омет» по отношению к властям РТ (в том числе – требование о приведении республиканского избирательного законодательства в соответствие с федеральным) выразился в отказе от конфессионально-политических принципов деятельности. После того, как Г. Галиуллин в результате усилий властей республики был смещен с поста муфтия ДУМ РТ из-за чрезмерной политизации обстановки в мусульманской общине, он стал утрачивать имидж лидера мусульманского политического движения¹⁷. Отказавшись от исламской политической риторики, «Омет» Г. Гаиуллина стало интенсивно эволюционировать влево и вошло, наряду с коммунистами, в руководство «Круглого стола» политических партий и движений Республики Татарстан. В избирательных кампаниях 1999-2001 года «Омет» продемонстрировало крайнюю ограниченность своего электорального ресурса, а также низкую эффективность призывов к бойкоту дополнительных выборов в Госсовет РТ

(март 1999 г.). Характерно и то, что попытки Г. Галиуллина в ходе думской кампании 1999 года через «Рефах» включиться в создание татарстанского регионального избирательного штаба пропутинского «Единства» («Медведь») не были поддержаны московским руководством «медведей» (несмотря на то, что «Рефах» был тогда одним из учредителей этого блока). Очевидно, одной из причин безуспешности «Омет» стало неопределенной политико-идеологическое позиционирование и отказ (пусть и формальный) от исламских принципов политической мобилизации. В итоге – сугубо маргинальное положение в спектре политических в республике и утрата каких либо надежд «вписаться» в общефедеральные мусульманские политические структуры.

Пример Татарстана как республики с преобладанием татаро-мусульманского населения (около 52%) весьма показателен. При всей демографической мощности мусульман и их потенциальном электоральном весе выработать автономные институты политического участия на собственно мусульманской социально-культурной (не говоря уже об идеологической) базе здесь не удастся.

Главная причина здесь состоит, вероятно, в том, что ислам не стал в республике и в других регионах Поволжья значимым каналом политической социализации и структурной характеристикой политической культуры соответствующих этноконфессиональных групп. Это происходит вследствие множества обстоятельств: сугубо светского (точнее – не вероисповедного) в недавнем прошлом культурного состояния общества и его ментальных характеристик; вытекающего из этого качества профессионально-интеллектуальной подготовки и мусульманского духовенства и политических представлений большей части верующих мусульман; дистанцирования тюрко-мусульманских по происхождению элит (правлящих, финансово-промышленных, научных, гуманитарных, масс-медийных) от демонстративных проявлений собственной религиозности и много другого.

Существуют и специфические причины, особо выраженные в Поволжье. Здесь действуют факторы, серьезно препятствующие консолидации мусульман, и становлению их даже в отдаленной перспективе в качестве межрегионального и сложного в этническом отношении социально-политического субъекта.

Во-первых, уровень социализации и качества массового сознания среди мусульман оцениваются как недостаточной. Казанского исламовед и политолог Рафик Мухаметшин в своем выступлении на конференции «Исламские движения и их влияние на ситуацию в стране (май 2002 г., Нижний Новгород) характеризует ситуацию так: «Мусульманские сегодня просто-напросто еще не готовы к созданию общественно-политических движений. Поскольку у них еще очень много других – своих внутренних – проблем, которые надо решать. ...Недавний съезд мусульман РТ как раз поставил стратегическую задачу: создать полноценные общины в Республике Татарстан. Если мы говорим, что их нет, то, естественно, еще рано вести речь

о создании религиозных политических движений. Отражающих интересы мусульман...»¹⁸.

Во-вторых и в связи с отмеченным выше моментом, низовые формы социальной самоорганизации мусульман обусловлены тем, что современные мусульманские приходы образуются в основном при зданиях мечетей. Заместитель муфтия ДУМ РТ Валиулла Якупов отмечает, что до революции татары селились в особых собственных слободах, «образовывая махалли и строя в них мечети и медресе». В Поволжье, в отличие от Северного Кавказа, локально-поселенческая структура мусульманских групп оторвана от традиционно сложившихся слободских принципов, или расселения по отдельным улицам и частям селений, что существенно затрудняет социализацию в устойчивых формах даже на уровне парохияльной (приходской) политической культуры и оставляет пока эти процессы в состоянии маргинальности. «Важно отметить, – продолжает В. Якупов, – что махалли носили членский характер. Существовал четкий список членов махаллей, которые поддерживали свои религиозные институты финансами...

Сегодня же возникшие приходы в городах образуются в основном при зданиях мечетей, носят пока формальный характер, т. к. еще не сложились устойчивые коллективы. Мечети пока действуют как ритуальные предприятия, обеспечивающие проведение обрядов по заявкам всех обращающихся. Ни о каком членском характере приходов пока нет и речи. Хотя в уставах ДУМ РТ предполагается развитие приходов именно в этом направлении, т. к. в них заложено понятие о списочном составе приходов»¹⁹. В свете сказанного становится очевидным: становление мусульманских групп интересов (прежде всего, защитных по своим функциям) находится на стадии перехода от качественного состояния неупорядоченных групп (спонтанно реагирующих на какие-то импульсы) к состоянию неассоциативных групп, имеющих общие идентичность и интересы, но не имеющие формальной организации. Общественная активность локальных групп мусульманского населения в последние годы концентрировалась преимущественно вокруг требований, предъявляемых местным властям в связи со строительством мечетей и других зданий религиозного предназначения и с возвращением им ранее отчужденных строений. Отстаивание прав мусульманского населения, скажем, в области образования – уже другая и более высокая ступень социальной активности. В связи с положением мусульман в Саратовской и Пензенской областях С.Б. Филатов пишет, например: «Политика Бибарсова – это последовательная и продуманная попытка реставрации дореволюционного положения татарской мусульманской общины – изолированно, но в то же время живущей внутри себя богатой социальной, культурной и духовной жизнью. Основной упор в своей деятельности ДУМСП делает на развитие мусульманского образования, на молодежь – на формирование мусульманских детских садов, средних и высших медресе. Особое внимание уделяется созданию «исламских центров», сочетающих различные образовательные, информационные, благотворительные функции. ...Политика Бибарсова – это

реставрационная политика, попытка воссоздать социальные отношения XIX в., но даже для татар-мусульман Поволжья подобный курс оказался актуальным только в Саратове»²⁰.

Преобразование поволжских мусульманских территориально оформленных общин в институциональные группы, которое приобрело бы массовые масштабы, – вопрос, вероятно, довольно таки отдаленного будущего, если не проблематичная в принципе перспектива.

В-третьих, в Поволжье, хотя и не существует резко усложненной этнокультурной и этноязыковой чересполосицы в строении мусульманского населения, наблюдается (временами латентная, временами выходящая наружу) конкуренция между татарами и башкирами. Так, по оценкам Марка Батунского, единство мусульман в СССР всегда подрывалось узбеко-таджикской конфронтацией, таджико-киргизской враждой, узбеко-каракалпакской неприязнью, отчуждением казахов от узбеков и от таджиков, агрессией со стороны среднеазиатских суннитов по отношению к «пришлым» мусульманам-суннитам (туркам-месхетинцам, чеченцам, ингушам, крымским татарам). К этой же категории он относит в Поволжье «интенсифицирующиеся татаро-башкирские разногласия», с одной стороны, и отмежевание поволжских татар от татар крымских, с другой стороны²¹.

Конфликт между национально-гуманитарными элитами Татарстана и Башкортостана, деятелями двух национальных движений происходит по поводу, главным образом, правового статуса татарского языка в РБ и его присутствия в образовательном пространстве республики, а также - положения татар в Башкортостане в контексте переписи населения 2002 года, перспективы участия татар в электоральном процессе Башкортостана. Конфликт приобрел общероссийское звучание во время встречи В.В. Путина с участниками III Всемирного конгресса татар в августе 2002 г. в Казани, на которой присутствовали М.Ш. Шаймев и М.Г. Рахимов. Во время встречи прозвучал вопрос одного из делегатов: «Легко ли быть татариним в Башкирии?», что вызвало естественное недовольство башкирской стороны. Все это накладывает свой отпечаток на консолидацию исламского фактора в Поволжье.

В-четвертых, тюрко-мусульманские группы в Поволжье глубже, чем на Северном Кавказе (не говоря уже о бывших советских республиках в Центральной Азии), интегрированы в российский социум и в цивилизационные структуры – социокультурные, индустриальные, технологические.

Часть 2. ДУХОВНЫЕ УПРАВЛЕНИЯ МУСУЛЬМАН В ПОВОЛЖЬЕ: ВОЗМОЖНА ЛИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ?

Материалы Комиссии по вопросам религиозных объединений при правительстве Российской Федерации, которая проанализировала данные о мусульманских организациях и культовых зданиях в 65 субъектах РФ, в которых компактно проживают мусульмане, свидетельствуют о следующем.

К осени 2000 года на территории Российской Федерации фактически действовали 4140 местных мусульманских организаций (зарегистрированных, подлежащих регистрации и действующих без регистрации) и 46 централизованных организаций, 4658 мусульманских культовых зданий различного типа (из них 2884 построено в 90-х годах и 68 – находятся в стадии строительства). Отмечается, что в некоторых регионах имеет место избыток мечетей.

На Северном Кавказе на тот момент действовало 1499 мусульманских организаций и 2255 культовых зданий (разница в цифрах объясняется наличием незарегистрированных групп мусульман, которые пользуются культовыми зданиями).

В Европейской части России, в Поволжье и Сибири к осени 2000 года действовали 2641 официально зарегистрированных мусульманских организаций:

- в республиках: Татарстан – 985, Башкортостан – 560, Чувашия - 38, Мордовия – 11, Удмуртия – 25, Марий-Эл – 24, Алтай – 2, Калмыкия – 6, Саха – 3, Коми – 1, Хакасия – 1, Бурятия – 3;

- в краях: алтайский – 1, Краснодарский – 11, Приморский – 3, Ставропольский – 39, Хабаровский – 1, Красноярский – 9;

- в областях: Оренбургская – 91, Тюменская – 93, Ульяновская – 79, Самарская – 76, Пермская – 76, Челябинская – 75, Пензенская – 71, Свердловская – 51, Астраханская – 38, Омская – 36, Нижегородская – 29 [по другим данным – 48 организаций и столько же мечетей], Курганская – 27, Новосибирская – 22, Саратовская – 20, Московская – 20, Волгоградская – 16, Томская – 9, Ростовская – 9, Кемеровская – 9, Иркутская – 5, Ярославская – 2, Владимирская – 4, в камчатской, Костромской, Тверской, Рязанской, Амурской, Волгоградской, Курской, Калининградской, Ленинградской, Мурманской, Орловской, Псковской и Ивановской – по 1 организации;

- в округах: Ханты-Мансийский – 21, Ямало-Ненецкий – 10;

- в городах федерального значения: Москва – 21, С.-Петербург – 2.

Наиболее влиятельными централизованными объединениями в этой части России являются Центральное духовное управление мусульман России (ЦДУМР, или бывший ДУМЕС) под руководством председателя-муфтия Талгата Таджутдина и Духовное управление мусульман Европейской Части России (ДУМЕР) во главе с председателем-муфтием Равилем Гайнутдином.

Под «юрисдикцией» ЦДУМР находится 868 местных организаций в 28 субъектах РФ (в том числе – в Башкортостане, Мордовии, Удмуртии, Марий-Эл, в областях – Оренбургской, Ульяновской, Самарской, Пермской, Пензенской, Астраханской, Московской, Волгоградской, в Москве и Санкт-Петербурге).

В сфере координации ДУМЕР включено 135 местных мусульманских организаций (в том числе – в Чувашии, Мордовии, Республике Коми, в областях Оренбургской, Ульяновской, Пермской, Пензенской, Нижегородской, Саратовской, Московской, Ярославской, Владимирской, Костромской, в Москве и Санкт-Петербурге).

Духовное Управление Азиатской части России (ДУМАЧР) охватывает деятельность 107 мусульманских организаций (Чувашия, Алтай, Саха, Хакасия, Бурятия, области Свердловская, Омская, Курганская, Томская, Иркутская, Камчатская, Кемеровская, Ямало-Ненецкий округ) под председательством муфтия Нафигуллы Аширова.

Самостоятельно действуют территориальные ДУМ, созданные по национально-региональному признаку:

- Духовное управление мусульман Республики Татарстан (ДУМ РТ), включающее 985 мусульманских организаций (почти каждая третья организация в РФ за пределами Северного Кавказа) под председательством муфтия Гусмана-хазрата Усманова;

- Духовное управление Республики Башкортостан (ДУМ РБ), охватывающее 320 организаций (еще около 100 местных мусульманских организаций в республике входит в сферу деятельности ЦДУМР) под руководством муфтия Нурмухаммада Нигматуллина.

В марте 1996 г. в Москве на встрече глав ДУМов Центрально-Европейского региона, Татарстана, Поволжья, Сибири, Ульяновской, Оренбургской, Нижегородской областей и представителей мусульманских объединений ряда областных центров РФ было решено достигнуть взаимопонимания на принципах равноправия (иначе говоря, своеобразного конфедерирования). В соответствии с этим 21 августа 1996 г. был зарегистрирован Совет Муфтиев России, реально координирующий деятельность ДУМов на началах постоянного или ассоциированного членства: ДУМЕР (г. Москва, Равиль Гайнутдин), ДУМАЧР (г. Тобольск, Нафигулла Аширов), ДУМ Республики Адыгея и Краснодарского края (г. Майкоп, Аскарбий Хачемизов), ДУМ РБ (г. Уфа, Нурмухаммад Нигматуллин), ДУМ Республики Дагестан (г. Махачкала, Ахмед Абдуллаев = ?????), ДУМ Республики Кабардино-Балкария (г. Нальчик, Шафиг Пшихачев), ДУМ Нижнего Новгорода и Нижегородской области (г. Нижний Новгород, Умар Идрисов), ДУМ Оренбургской области (г. Бугуруслан, Исмаил Шингареев), ДУМ Пензенской области (г. Пенза, Аббас Бибарсов), ДУМ Поволжья (г. Саратов, Мукаддас Бибарсов), ДУМ РТ (г. Казань, Гусман Исхаков), ДУМ Ульяновской области (г. Ульяновск, Тагир Шангареев), ДУМ Республики Чувашия (г. Чебоксары, Марат Архипов),

ДУМ Республики Северная Осетия-Алания (с. Чикола Ирафского района, Дзонахат Хекелаев), ДУМ Республики Ингушетия (г. Назрань, Магомед Албогачиев), ДУМ Карачаево-Черкесии и Ставропольского края (с. Первомайское Малокарачаевского района, Исмаил Бердыев), Главный мухтасибат Республики Татарстан (г. Казань, Мансур Залялетдинов), Объединение сусульман С.Петербурга и Ленинградской области (г. С.Петербург, Абдулхафиз Махмудов), Объединение мусульман «Азан» г. Туапсе (г. Туапсе, Батмиз Шхалалов), Республика Мордовия (с. Лямбир Лямбирского района, Наиль Юсупов).

Количественное распределение мусульманских организаций по признаку их вхождения в «юрисдикцию» того или иного духовного управления мусульман выглядит следующим образом *:

Субъект РФ	Общее кол-во мус. организаций	Кол-во ДУМов В субъекте РФ	Централизов. объединение субъекта РФ	Всеросс. или межрегиональн. объединение
Татарстан	985	1	ДУМ РТ Ассоциация “Казанск. муфтият”	ДУМ РТ
Башкортостан	560	2	ДУМ РБ ЦДУМР	ДУМ РБ (320) ЦДУМР (240)
Чувашия	38	3	ДУМ РЧ	ЦДУМР (36) ДУМЕР (1) ДУМ РЧ (1)
Мордовия	11	3	ДУМ РМ	ЦДУМР (6) ДУМЕР (4) ДУМ РТ (1)
Удмуртия	25	1	ДУМ РУ	ЦДУМР (2)
Марий Эл	24	1	ДУМ РМЭ	ЦДУМР (24)
Оренбургская область	91	3	ДУМ обл. (Оренб. Муфтият) ДУМ обл. (Бугурусл. Муфтият) ДУМ обл. “Ассоц. Мечетей”	ЦДУМР (72) Остальные - в СМР

Ульяновская обл.	79	3	ДУМ обл. Ульян. регион ДУМ Центр. ДУМ обл.	ЦДУМР (65) Ост. – в СМР
Самарская обл.	76	2	ДУМ обл.	ЦДУМР (74) ДУМАЧР (2)
Пензенская обл.	71	5	ДУМ обл. Единый ДУМ обл. Независ.ДУМ обл. Межрегион. ДУМ Поволжья	ЦДУМР (34) ДУМЕР (36)
Астраханская обл.	38	1	Астр. Регион. ДУМ	ЦДУМР (38) ДУМС (17) ДУМАЧР (19)
Нижегородская обл.	29	1	ДУМ Н.Новг. и обл.	ДУМЕР (29)
Саратовская обл.	20	2	ДУМ обл. Мус. Община “Нур”	“НУР” участв. в работе СМР ДУМЕР (13) ЦДУМР (1) Исл.центр (2) Независ. (4)
Волгоградская обл.	16	2	ДУМ обл. ДУМ Поволжья (участвует в работе СМР)	ЦДУМР (14)

*

ЦДУМР – Центральное духовное управление мусульман России
СМР – Совет муфтиев России
ДУМЕР – Духовное управление мусульман европейской части России
ДУМАЧР – Духовное управление мусульман азиатской части России
ДУМС – Духовное управление мусульман Сибири

Согласно некоторым другим данным, ситуация в Приволжском федеральном округе характеризуется следующими показателями:

В Республике Башкортостан всего 340 местных религиозных организаций /культурных мусульманских зданий – 891/. В том числе под юрисдикцией ДУМ РБ – 202, ЦДУМР – 138.

В Марий Эл – 16 /14/. Из них в ДУМЕР – 3, в Региональном духовном управлении Республики Марий Эл (принадлежит ЦДУМР) – 10, не входят – 3.

В Республике Мордовия – 19 /25/. В том числе Региональное ДУМ Р. Мордовии (ЦДУМР) – 10, ДУМ Р. Мордовия (ДУМЕР) – 9.

В Республике Татарстан – 926 /891/. В том числе в ДУМ РТ – 922; в Центральном духовном управлении мусульман Республики Татарстан (ханифитов) под руководством Фанавиля Шайморданова – 4.

В Удмуртской Республике – 13 /17/. В том числе в Региональном ДУМ УР (Ижевском муфтияте), входящем в ЦДУМР, – 12; ДУМ «Ассоциация мечетей» - 1.

В Чувашской Республике – 12 /38/. В том числе – в ДУМ ЧР (ЦДУМР) – 11; в ДУМЕР – 1.

В Кировской области – 17. Из них: в Региональном ДУМ Кировской области (Вятский муфтият) – 9; в ЦДУМР – 8.

В Нижегородской области – 37 /54/. Из них в ДУМ Нижнего Новгорода и Нижегородской области (к какой-либо централизованной организации не принадлежит) – 36; ЦДУМР – 1.

В Оренбургской области – 108 /89/. Из них в Центральном ДУМ Оренбургской области (ДУМ «Ассоциация мечетей России»– 34; ДУМ Оренбургской области – 71; ДУМ «Ассоциация мечетей России» - 3.

В Пермской области – 74 /53/. В том числе: в Региональном ДУМ Пермской области (ЦДУМР) 53; в ДУМЕР – 6; в ЦДУМР – 15.

В Пензенской области – 49 /71/. В том числе: Единое ДУМ Пензенской области – 40; ЦДУМР – 8; ДУМ Поволжья – 1.

В Самарской области – 76 /69/. В Региональном ДУМ Самарской области (ЦДУМР) – 76.

В Саратовской области – 18 /25/. В ДУМ Саратовской области – 18.

В Ульяновской области – 82 /79/. В том числе: в Региональном ДУМ Ульяновской области (Ульяновский муфтият, ЦДУМР) – 60; Ульяновское региональное ДУМ – 5; Центральное ДУМ Ульяновской области – 17.

Различия в статистических данных, касающихся количества местных религиозных организаций мусульман, региональных и централизованных мусульманских организаций (ДУМов), могут быть объяснены наличием или отсутствием регистрации. Так, нет данных о регистрации ДУМ Поволжья (так же, как нет данных о вхождении ДУМ Саратовской области Мукаддаса Бибарсова в юрисдикцию ДУМ Поволжья) или о регистрации ДУМ «Ассоциация мечетей России».

Если в целом в России официально зарегистрировано (или находятся в стадии регистрации) около 3-4 тысяч местных религиозных организаций, то неофициально, по некоторым экспертным оценкам, вместе с не зарегистрированными их насчитывается около 7 тысяч. В целом для Поволжья (в отличие, например, от Северного Кавказа, особенно – от Дагестана) наиболее характерна ситуация, при которой подавляющее большинство местных религиозных организаций мусульман стремятся действовать в режиме регистрации, что объясняется, кроме всего прочего, желанием функционировать на правах юридического лица с вытекающими из этого полномочиями в области ведения хозяйственной деятельности.

Регистрация местных организаций мусульман формально связана с наличием не менее 10 физических лиц-учредителей, которые являются гражданами Российской Федерации. Достаточно типичным следствием этого являются локальные коллизии между различными организациями (различными списками учредителей) по поводу владения культовыми зданиями. Согласно опять таки некоторым экспертным оценкам, эти конфликтные ситуации возникают не на межэтнической основе (например, между коренными мусульманами и мигрантами с Юга), а чаще всего – в среде самих мусульман-старожилов. Наиболее частыми являются конфликты между организациями, тяготеющими к Совету муфтиев России (Равиль Гайнутдин), с одной стороны, и местными организациями, тяготеющими к ЦДУМР (Талгат Таджутдин), с другой стороны. В подоплеке таких конфликтов лежат не столько политические или собственно внутриконфессиональные разногласия, не идеологические соображения или теологические споры, а банальная конкуренция за права собственности, а также за вытекающие из этого экономические возможности (различные финансовые и иные имущественные поступления). Политизация таких конфликтов – вторичное следствие, а не причина.

То, насколько политизируется раскол в среде мусульман Поволжья, зависит от одного фундаментального обстоятельства - от стремления **использовать административный ресурс** в Центре и в регионах. Понятно, что в этом также состоит важнейшая особенность исламского фактора в Поволжье и во внутренней России в целом. Мусульманские круги здесь весьма часто апеллируют к федеральным, региональным и местным властям

как к некоему арбитру в решении собственных конфликтных ситуаций. Отсюда вытекает та важнейшая особенность, которая предопределяет политическую роль централизованных, межрегиональных и региональных ДУМов не столько во взаимоотношениях между собой, сколько в соперничестве за симпатии властей. При этом, как показывает практика политической и политико-идеологической активности ЦДУМР Талгата Таджутдина, наиболее высокой ставкой считается благосклонность Москвы, Кремля и, как производное от этого – благосклонность губернаторского корпуса и муниципальных властей. Это своего рода конкуренция по линии демонстрации максимальной лояльности перед государственными инстанциями на всех этажах и, как это ни парадоксально выглядит, - перед Московской Патриархией. Талгат Таджутдин зарекомендовал себя как фигура, всякий раз демонстративно подчеркивающий свое в высшей степени почтительное отношение к Алексею II.

Как политические акторы, стремящиеся к максимизации административного ресурса, ДУМы (прежде всего – ЦДУМР Талгата Таджутдина) стараются с наибольшим для себя эффектом мобилизовать символические ресурсы в связи с общеполитическими информационными поводами. В идеологическом измерении – это демонстрация российского (евразийского) патриотизма. В собственно политическом измерении – поиск союзников из числа не правящих российских партийных акторов.

Самым характерным инструментом при этом в последние годы стали взаимные обвинения в пресловутом «ваххабизме», в причастности к исламскому экстремизму. В организационно же плане – это взаимные обвинения в связях с зарубежными исламистскими (джихадистскими) центрами.

Особенно наступательную линию в этом смысле проводит Талгат Таджутдин, чья сфера влияния в последние годы заметно сужается. Фактически к ЦДУМР, по некоторым оценкам, по всей России относится не 868 (тем более не 2 тысячи) местных организаций, а всего 680, что составляет цифру, гораздо меньшую, чем в ДУМ Республики Татарстан Гусмана Исхакова. Результатом этого становятся достаточно агрессивные методы политической активности ЦДУМР в ситуациях обострения, особенно – в моменты кризисов, террористических актов, так или иначе ассоциируемых в стране с исламским фактором.

Сторонники Т. Таджутдина проводят агрессивные PR-кампании, в ходе которых энергично выстраивается имидж Т. Таджутдина как лидера «умеренных» российских мусульман. Иногда это делается с привлечением светских специалистов. Так, Михаил Тульский писал на страницах «Независимой газеты»: «...сторонники ваххабитов и лояльные к ним деятели СМР фактически выиграли информационную войну у умеренных мусульман Таджутдина (Талгат Таджутдин всегда демонстрировал свою лояльность к России и православию и даже говорил, что мусульманин может праздновать Рождество Христово, когда родился упоминаемый в коране пророк Иса). Мусульманские телепередачи и на канале РТР (15-минутная «Тысяча и одна

ночь» в 8.30 в пятницу) и на канале «Культура (10-минутная «Все суры Корана» в 17.30 в среду) фактически принадлежат сторонникам Гайнутдина, причем наиболее радикальным из них. В российском исламе при попустительстве и даже содействии российских властей, которые не отдают себе в этом отчета, сложилась такая ситуация, что противником ваххабизма быть невыгодно, а иногда даже опасно. ...Предотвратить столь чудовищное развитие событий могут сейчас только президент России и его администрация, если они, наконец, поймут, что невозможно бороться с ваххабизмом в Чечне и культивировать его в Москве, и перестанут поддерживать Гайнутдина. Бросается в глаза разница между структурами Таджутдина и Гайнутдина: число сторонников у каждого из них примерно одно и то же, но у второго твердых сторонников в 10 раз меньше. Если Гайнутдин лишится властных, финансовых и медиа-ресурсов, которыми он сейчас обладает, то и идущих за ним людей станет на порядок меньше»²².

Инкриминировать оппонентам «ваххабизм» - типичная установка во внутренних мусульманских конфликтах. Однако при всей последовательности такого курса следует видеть и другой немаловажный фактор, а именно момент непредсказуемости в поведении самого Талгата Таджутдина. В 1996 году в одном из интервью он говорил: «Ни власти Татарии, ни власти Башкирии не вмешиваются в деятельность религиозных организаций. Нет ни ущемления, ни принуждения. Вопрос духовного устройства жизни является внутренним вопросом самих мусульман. И сегодня большинство мусульман Татарии приходят к тому мнению, что духовную жизнь неробходимо упорядочить согласно и нормам ислама, и нормам законодательства нашей страны. Я не присоединяюсь к тем, кто пытается показать Татарию центром исламского экстремизма»²³. Впоследствии Т. Таджутдин стал выступать с прямо противоположных позиций. В интервью газете «Век» 12 мая 2000 года им было сказано буквально следующее: «... продолжается активное насаждение ваххабизма, причем не только на Северном Кавказе. ...при поддержке светских властей это происходит и в Татарстане, где стали ориентироваться на «международные исламские центры» и создали Всероссийский исламский университет, который финансируется и снабжается учителями из Кувейта и Саудовской Аравии. ...Неудивительно, что наших сторонников, исповедующих традиционно умеренный ислам, стали вытеснять сначала из Татарии, а потом последовали попытки захвата мечетей в Оренбургской области, Пензе, Волгограде, Астрахани, Перми, Свердловской области, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах. ...весьма показательно, что последняя волна подобных ваххабитских выступлений совпала по времени с вторжением чеченских боевиков в Дагестан»²⁴.

Будучи участником Межрелигиозного миротворческого форума в Москве (13-14 ноября 2000 года) Талгат Таджутдин всячески педалировал на опасности ваххабизма и других форм исламского экстремизма, а также на близости традиционного российского ислама и православия: «Наше Отечество – Святая Русь»²⁵

Одно из последних вступлений руководства ЦДУМР в указанном контексте было связано с террористическими актами в России в конце августа 2004 года. Глава Департамента внешних связей ЦДУМР Мухамедгали Хузин в интервью агентству «Интерфакс» заявил: «Совершенно бесконтрольная миграционная политика, толпы никем не контролируемых иностранцев зачастую представляющие собой воплощение криминала, вне всякого сомнения способствуют росту преступности в стране. ...наглый подкуп чиновников и сотрудников правоохранительных структур преступными элементами из числа эмигрантов из Закавказья и Средней Азии создают условия процветанию криминала в стране. ...в десятках регионов в России абсолютно бесконтрольно действуют многочисленные как легализованные «за умеренную плату», так и подпольные исламистские учебные центры. ...Именно в таких учебных центрах, «закрышованных» параллельными исламскими структурами страны, происходит распространение идей радикализма, экстремизма и терроризма»²⁶. В этом суждении характерно как стремление подыграть этнофобским настроениям в российском обществе, с одной стороны, и навязчивое привязывание терроризма к деятельности исламских образовательных учреждений. В связи с последним важное значение приобретает структурирование системы исламских духовных образовательных учреждений с точки зрения их вхождения в юрисдикцию того или иного ДУМа. Ясно, что это предполагает и перспективу распределения каналов рекрутирования на самое ближайшее будущее.

По данным Министерства юстиции РФ в стране к 1999 году действовало более ста зарегистрированных учебных заведений мусульман (не считая многочисленных кружков, школ-мактабов, курсов и проч., действующих при мечетях). Новая образовательная сеть начиналась с открытием медресе «Исмаилия» при московской Соборной мечети (1988 год), а которой в конце 90-х годов обучалось около 750 человек, а также уфимского медресе им. Имама Ризаутдина Фахретдина (1989 год). В 1994 году был основан Московский высший исламский колледж, который в 1998 году сделал первый выпуск – более 50 человек, получившие назначения в мечети Москвы, Ярославля, Вологды, Твери, Костромы, Нижнего Новгорода и сел Нижегородской области. С 1999 года на базе ДУМЕР действует Московский исламский университет – высшее негосударственное образовательное учреждение. В 1998 г. в Подмоскowie был открыт исламский колледж «Расул Аль-Акрам», учрежденный ДУМ азиатской части России и одной из иранских просветительских организаций²⁷.

В Татарстане действует трехступенчатая система исламского образования. На высшей ступени – Российский исламский университет (учредители – СМР, ДУМ РТ и Институт истории Академии наук Татарстана, директор которого – советник президента РТ Рафаэль Хакимов), открытый в 1998 году; Высшее мусульманское медресе «Мухаммадия» (возобновившее деятельность в 1994 году); Высшее мусульманское медресе им. 1000-летия принятия ислама в Поволжье; Исламский институт в Набережных Челнах

(1995 год). Средняя ступень: 10 средних медресе в Казани, медресе «Юлдуз» в Набережных Челнах (1996 год), женское медресе «Танзиля» в Набережных Челнах, медресе «Расиля» в Нижнекамске. Начальная ступень: мактабы и медресе при мечетях. Все эти учебные заведения входят в зону ответственности ДУМ РТ. Сегодня в одной только Казани число обучающихся шакирдов приближается к тысяче.

В Республике Башкортостан действуют пять медресе при крупных мечетях и два института. Зарегистрированные медресе «Галия», «Нур» аль-Имам и «Нур» в городе Агидель входят в зону юрисдикции ДУМ РБ.

В Нижнем Новгороде в 200 году зарегистрировано Негосударственное образовательное учреждение среднего профессионального образования Нижегородское Исламское Медресе, входящее в ДУМ Нижнего Новгорода и Нижегородской области.

Таким образом, большинство официально зарегистрированных учебных заведений мусульман Поволжья, обладающих правом ведения образовательной деятельности и с юридической точки зрения имеющих аккредитацию для выдачи соответствующих свидетельств и дипломов о получении высшего или среднего образования, находится вне пределов влияния ЦДУМР. Фактически – это жизненно важная позиция для будущего любой религиозной организации. Это, вероятно, выступает одним из мощных раздражителей по отношению к сторонникам Талгата Таджутдина, чья база рекрутирования следующих поколений мусульманского духовенства оказывается, как минимум, под вопросом.

Что касается обвинений в том, что в этих учебных заведениях, патронированных, как сказал М. Хузин, «параллельными исламскими структурами страны» (читай: СМР, ДУМ РТ, ДУМ РБ и проч. – Н.М), то их создание с самого начала позиционировалось как противовес проникновению чуждых влияний в среду традиционного ислама, имеющего свою российскую специфику и исповедующего не ваххабизм, а ханафитский мазхаб, то есть одну из наиболее умеренных (суннитских) исламских правовых школ. Например, с деятельностью Российского исламского университета в Казани неоднократно знакомилась самые высокопоставленные государственные чины из Москвы, в том числе те, которые возглавляют ведомства, связанные с безопасностью. Наличие реальной угрозы распространения в Татарстане радикальных проявлений, связанных с исламом, признается представителями мусульманского духовенства в республике. Заместитель муфтия ДУМ РТ Валиулла-хазрат Якупов вскоре после событий, связанных с «Норд-остом» в Москве, разъяснял ситуацию так: «Мы в муфтияте знаем, что те же ваххабиты и по деревням ездят, и молодежь собирают, чтобы создать свои общины. Об этом нам рассказывают верующие из тех мест. Они в недоумении: это, мол, еще кто такие? В основном это те, кто получил духовное образование за рубежом, в частности там, где радикальные направления – государственная религия. ...Думаю, и в Башкортостане ваххабитов немало. Но мы же не делаем из этого выводы, что им помогает Духовное управление и лично Талгат Таджутдин»²⁸.

В Поволжских регионах на сегодня разговоры о ваххабизме остаются в сфере публичного дискурса и не получают правового толкования, как, например, это произошло с принятием антиваххабтского законодательства в Дагестане или Ингушетии. Муфтий ДУМ РТ Гусман Исхаков даже подчеркивал: «А у них что, есть конкретное определение ваххабизма? Как можно без определения сделать заключение? Вот у меня есть борода. Я что – ваххабит? Думаю, что это не продуманное до конца решение»²⁹.

Возвращаясь к основной линии расколы среди российских мусульман – «Таджутдин – Гайнутдин», следует отметить, что она выступает по отношению к Поволжскому региону, скорее, как внешний фактор, хотя, разумеется, и имеющий серьезные последствия. Эта основная линия раскола, вписываясь в общероссийский контекст. Все больше начинает сопровождаться рассуждениями о том, кому следует возглавить процесс восстановления единства. Несмотря на периодически появляющиеся сообщения о том, что в Казани вынашиваются планы заполучить статус столицы российских мусульман, в действительности реальных претендентов на лавры собирателей двое – именно Гайнутдин и Таджутдин.

Вражда между этими фигурами подвержена спорадическим обострениям, с одной стороны, и периодическому появлению надежд (чаще – призрачных) на воссоединение. Летом 2001 года был проведен «круглый стол» на тему «Исламский фактор в российской политике». Его участники подписали совместное заявление, в котором впервые после раскола в начале 90-х годов говорилось о необходимости «достижения взаимопонимания и истинного братства, согласования мнений и единства действий в мусульманской Умме». Документ был подписан представителями обоих лагерей, участвующих в конфронтации. С одной стороны – А. В. Ниязов, муфтии Шингареев, М. Бибарсов, Забиров, Н. Аширов. С другой стороны – муфтии – М. Хузин, Ф. Салман, Идрисов, Т. Таджутдин. Наблюдателями подчеркивалось, что Р. Гайнутдин и Г. Исхаков не приняли участия в этом событии³⁰.

Однако о каких бы процессах ни шла речь, единодушное мнение в экспертном сообществе состоит в том, что действия и позиции Талгата Таджутдина – это всегда непредсказуемый фактор. В очередной раз это проявилось в связи с событиями вокруг последней войны в Ираке и на непосредственных подступах к ней. В тот момент Талгат Таджутдин рассматривался как политик, заметно укрепляющий свои позиции. Во-первых, это увязывалось с его подчеркнутым пиететом перед православием «как доминирующей и культуuroобразующей религией» - уникальной для корпуса мусульманского духовенства позицией. Во-вторых, с тем, что в начале 2003 года Т. Таджутдин дважды встречался с В.В. Путиным (один раз – в Уфе). В-третьих, с «удачным политическим ходом» - инициативой Таджутдина о поездке в Ирак во главе делегации из 13 человек (11 представителей ДУМов и 2 – РПЦ). Представителей РПЦ благославил на поездку Патриарх Алексий II³¹. Результаты поездки были восприняты как некий гарант от того, что война в Ираке не приведет к «столкновению

цивилизаций». И вообще, по словам одного из членов делегации, сорудника отдела внешних связей Московского Патриархата Р. Силантьева, поездка совместной делегации в Багдад «не только продемонстрировала единство позиций лидеров двух ведущих религиозных традиций нашей страны по иракскому вопросу, но и вывела российский уровень христиано-мусульманских отношений на недостижимую для других европейских стран высоту»³². Позиции Т. Таджутдина на общероссийской политической сцене, казалось бы, начали давать все основания для вывода: он вплотную приблизился к Кремлю и вопрос о его «назначении» на роль первого лица российских мусульман предreshен. Однако в начале апреля (практически в те же дни) грянул скандал беспрецедентных масштабов. Талгат Таджутдин – ни больше, ни меньше – объявил Соединенным Штатам священную войну! Впоследствии аналитики будут спорить, употребил или не употребил Таджутдин слово «джихад». Но факт остается фактом: из его уст прозвучал призыв к «священной войне» с заокеанским противником. Пожалуй, ни одно событие в новейшей политической истории российских мусульман не имело такого информационного резонанса в СМИ.

В прессе констатировалось, что Талгат Таджутдин, разыгрывая «исламскую карту», сильно отклонился от курса Кремля. Уже 3 апреля 2003 года В.В. Путин фактически был вынужден отмежеваться от намеков на предлагаемую силовую позицию по иракскому вопросу: «Я сделаю все, что от меня зависит, чтобы Россия на и этот раз не была втянута в иракский кризис в какой-либо форме. Считая американские действия в Ираке ошибкой, президент подчеркнул, что Россия не заинтересована в моральном и политическом поражении США в Ираке. По сути это был ответ на демарш Талгата Таджутдина. О том, насколько принципиальной была реакция властей говорит еще один беспрецедентный шаг. Генеральная прокуратура РФ и Прокуратура Башкортостана вынесли Таджутдину предупреждение относительно возможного роспуска ЦДУМР»³³.

Реакция среди российских мусульман была в некотором смысле асимметричной. Призыв к «священной войне» против США был поддержан в Дагестане, особенно – в Хасавюрте. Глава ДУМ Свердловской области пытался смягчить ситуацию, разъясняя, что Таджутдин имел в виду не войну в собственном смысле, а «духовное противостояние». Еще в июле 2001 года во время конференции «Исламская угроза или угроза исламу?», организованной в Москве движением «Евразия» А. Дугина, Таджутдин как сопредседатель конференции (наряду со спикером Госдумы РФ Г. Селезневим) дал интерпретацию понятия «джихад»: «Под джихадом подразумевается внутренняя борьба мусульман против собственных пороков, невежества и зла. ...это то, что в православии называется благочестием»³⁴. Однако на митинге в Уфе по случаю событий в Ираке Таджутдин говорил, по свидетельствам очевидцев, именно о «священной войне» и чуть ли не призывал к захвату граждан США в качестве заложников и получению за них денежного выкупа.

Мусульманские же лидеры во внутренней России в большинстве своем отнеслись к этой идее резко критически. Равиль Гайнутдин высказал сожаление, что среди российских мусульман нашлись те, кто «ищет не мира в Ираке, а третьей мировой войны». В стане оппонентов оказались и муфтий ДУМ РБ Нурмухаммат Нигматуллин, и глава ДУМАЧР Нафигулла Аширов, и председатель Координационного центра мусульман (КЦМ) Северного Кавказа Магомед Албогачиев. К голосам критиков присоединился и президент Татарстана Минтимер Шаймиев, который впоследствии, - что крайне показательно - выскажется в пользу кандидатуры Равиля Гайнутдина на роль лидера, способного возглавить процесс воссоединения российских мусульман.

О полном разрыве отношений с Талгатом Таджутдином объявил Совет муфтиев России (СМР) на расширенном заседании мусульманских лидеров РФ 14 апреля 2003 года. Поведение главы ЦДУМР было признано отступничеством от ислама, лишаящим его права занимать этот пост. Тогда же говорилось, что фактическое руководство ЦДУМР передано муфтию ДУМ Пермской области Мухаммедгали Хузину. Сообщалось также о переговорах Равиля Гайнутдина с некоторыми представителями ЦДУМР. В итоге констатировалось: теперь СМР попытается подмять под себя ЦДУМ, а карьере Таджутдина положен конец³⁵.

Вопрос, по-видимому, состоит сегодня в том, появятся ли среди мусульманских лидеров Поволжья (то есть – за пределами Москвы) претенденты на роль той фигуры, с которой бы ассоциировались перспективы объединительного процесса, возможно, - следующем поколении.

Внимание, вероятно, может быть привлечено к фигуре Мукаддаса Бибарсова. В прессе, во всяком случае, появлялись сообщения о том, что в кругах, близких к полпреду президента РФ в ПФО Сергею Кириенко (С. Градировский и др.) предлагалось содействовать привлечению Бибарсова к политике федерального уровня. В связи с терактами в Москве, Ростовской и Тульской областях, в Северной Осетии этот – весьма амбициозный, по некоторым оценкам, – лидер выступил с заявлениями, которые подтверждают его склонность к подчеркнутой самостоятельности. Он резко осудил террористов: «Нет и не может быть оправдания действиям террористов и тех, кто за ними стоит. ...Вопрос о джихаде – ключевой вопрос этого конфликта. ...Конечно, те, кто воюют, если бы они в этом не были убеждены, не стали бы идти на смерть, и поэтому свою оценку их действиям должны дать люди, которые разбираются в тонкостях шариата, те, кто своим благочестием заслужили уважение и имеют непререкаемый авторитет в мусульманском мире. ...Я больше чем уверен, что они вынесут заключение, что это не джихад». По словам Бибарсова, к урегулированию конфликта следует подключить международные мусульманские организации и зарубежных неформальных авторитетных богословов, имеющих исключительное влияние. «В исламском мире, в мусульманских государствах большим авторитетом пользуются те, кто заслужил уважение своим

служением Всевышнему, а не только приближенностью к власти»³⁶. В логике этих суждений присутствуют смыслы, отличающиеся от весьма распространенных клише, построенных на формуле: «У террористов нет национальности и религии». Кроме того, весьма красноречивым выглядит намек на то, что близость к властям еще не обеспечивает должного авторитета в глазах мусульман.

В любом случае, вопрос о политической субъектности мусульманских организаций на федеральном уровне в мало-мальски длительной перспективе остается открытым. Региональные ДУМы в ближайшей перспективе, скорее всего, не смогут претендовать на какое-либо заметное политическое влияние. Этому явно будет препятствовать, как минимум, два обстоятельства.

Во-первых, в условиях вертикали, выстраиваемой В.В. Путиным, и распространившейся сегодня не только на федеративные, но и на партийно-политические отношения, претензии на политическую автономию и на самостоятельное включение в политической конкуренции с чьей-либо стороны (властей ли в субъектах РФ, независимых ли акторов) – все это, мягко говоря, не будет приветствоваться. Случай с В. Ходорковским служит подтверждением этого, не говоря уже о том, что региональная вольница в принципе есть дело прошлое. Политическая субъектность мусульманских организаций внутренней России в лучшем случае будет пребывать в рамках «управляемой демократии» и утилизации с точки зрения интересов Москвы (но отнюдь не региональных властей, особенно тех, в ком можно заподозрить рецидивы сепаратизма).

Во-вторых, морально-политическая атмосфера в российском обществе, отягощенная трагическими событиями на Северном Кавказе и в центральных районах, глубокими психологическими травмами, также не будет способствовать легитимации политической деятельности мусульманских лидеров и центров влияния. Им, вероятно, еще надолго придется сосредоточиться на своих внутренних проблемах.

Часть 3. СПОРЫ ВОКРУГ ПРОЕКТА «РУССКИЙ ИСЛАМ»

Проект «Русский ислам» возник как цикл статей и выступлений по инициативе интеллектуальных кругов, близких к полномочному представителю президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе С.В. Кириенко, в 2000-2001 годах.

Ключевая идея проекта состоит в том, чтобы разработать новую «национальную идею России» на основе по-новому понятой идентичности: «Методологически понятно, что надо делать: нужна связующая гражданская общероссийская идентичность, которая перекрыла бы все остальное.

Собственно, на это и был нацелен безуспешный пока поиск национальной идеи. На это «заточен и концепт «Русский ислам». ...**России необходим русский ислам – ислам, укорененный в русской культурной почве и преданный российской государственности. ...Из мирового наступающего ислама предстоит выделить русский ислам и тем самым вернуть российских мусульман в подданство Российской Федерации, оснастив их образцами и философскими основаниями исламской традиции (собственная богословская школа) и погрузив в русско-культурное пространство мысли (православно-мусульманский гуманитарно-теологический институт)**³⁷.

Импульсом к активизации дискурса об исламе в Поволжье, в скорости вошедшего в общероссийский контекст, стала конференция «Взаимодействие государства и религиозных организаций в сфере образования», организованная 13-14 октября 2002 года при активном участии руководства Приволжского федерального округа. По итогам этого мероприятия был выработан документ **«Проект доклада рабочей группы президиума Государственного Совета Российской Федерации по вопросам противодействия проявления религиозного экстремизма в Российской Федерации от 30 октября 2002 г. «О совершенствовании деятельности государственных и общественных институтов по противодействию проявлениям религиозного экстремизма в Российской Федерации»**. Авторство документа принадлежит Сергею Градиловскому – советнику полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе С.В. Кириенко по конфессиональной политике.

В проекте доклада говорится: «Целесообразно самым внимательным образом, с учетом мнений разных сторон, международного опыта проанализировать, в чем сегодня пробуксовывает механизм государственно-церковных отношений, и принять необходимые управленческие решения в этой сфере.

Несмотря на предпринятые в последнее время конкретные шаги, направленные на противодействие распространению религиозного экстремизма прежде всего в сфере законодательства, в практической деятельности продолжают присутствовать непоследовательность и разобщенность усилий органов государственной власти всех уровней по созданию условий для достижения внутри- и межрелигиозного согласия, *а также неудовлетворительное взаимодействие с лидерами религиозных конфессий, в том числе с мусульманским духовенством, что не позволяет эффективно противостоять распространению религиозного экстремизма*».

В перечне практических шагов, рекомендуемых авторами проекта, значится следующее:

- Рассмотреть вопрос об образовании федерального органа, ведающего проблемами национальных и государственно-религиозных отношений. Рекомендовать руководителям субъектов Российской Федерации образовать соответствующие структуры в органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

- Создать при полномочных представителях президента Российской Федерации в федеральных округах совещательные (консультативные) органы по вопросам государственно-религиозных отношений с непосредственным участием в их деятельности представителей общественных и религиозных объединений.

- Аппаратам полномочных представителей президента Российской Федерации в федеральных округах в ходе проведения комплексных проверок субъектов уделить внимание ходу реализации федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Определить главным федеральным инспекторам в субъектах Российской Федерации задачи по контролю за реализацией федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности».

- Постоянно осуществлять анализ этнокультурной и религиозной обстановкой в стране и федеральных округах для органов государственной власти, принимающих решения по данным вопросам. В этих целях:

- создать рабочую группу сети этноконфессионального мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, в состав которой включить научных работников, экспертов Совета безопасности Российской Федерации.

- **Способствовать преодолению раздробленности и узконациональной ориентированности мусульманского духовенства, добиваться объединения усилий духовенства в борьбе с религиозным экстремизмом. Содействовать созданию координационного совета, в состав которого входили бы муфтии Российской Федерации.**

В тексте проекта, далее, говорилось о том, чтобы **«разработать программу, содействующую созданию позитивного имиджа мусульман и ислама в России. Оказать содействие духовным управлениям мусульман в формировании единой системы исламского образования в России, поддержать инициативу мусульманских организаций по созданию Совета ректоров исламских учебных заведений, а также Совета улемов России. ...Повысить прикладное значение исследований, проводимых российскими исламоведами. ...Проработать вопрос об учреждении российского исламского университета с образованием при нем научно-методического центра по выработке единых образовательных программ и учебников для высших и средних мусульманских учебных заведений».**

В июле 2003 года Сергей Градировский обнародовал комментарии к собственным позициям, опубликовав статью «Культурное пограничье: русский ислам»³⁸.

Возникновение феномена религиозно-культурного пограничья он связывает с несколькими обстоятельствами. Это – слом грандиозной системы пространственного развития евразийского мира, осуществляемого Москвой в рамках тотальной индустриализации; смена демографической модели всех европейских народов бывшей империи; доминирование на постсоветском

пространстве двух типов массовых человеческих течений – так называемого «западного дрейфа» и «южного антропотока». Столкновение идентичностей-давление геокультур со стороны Севера и Юга порождает обоюдное недоверие и страх – «страх секулярного, малолетнего населения Севера перед традиционно-религиозным (и потому куда успешнее воспроизводящим свои идентичности) многодетным Югом».

Наблюдения в Приволжском федеральном округе, как пишет С. Градировский, показывают несколько тенденций, среди которых:

- массовый переход в мечетях на русский язык;
- переход исламского книгоиздательства на русский язык;
- принятие государственного [образовательного] стандарта по исламской теологии;
- развитие исламских русскоязычных СМИ;
- появление интеллектуальных сообществ, думающих и говорящих на русском языке.

Отсюда следуют выводы. Во-первых, «русский ислам» - явление. Лежащее на стыке исламской и русской культур. Во-вторых, это – явление городское, и «русский ислам» комплиментарен современному мировому городу: многоукладному, многокультурному, динамично развивающемуся.

Большинство городских мечетей, отмечает С. Градировский, заполняются сегодня этнически не татарскими мусульманами. Например, в Джума-мечети Нижнего Новгорода среди участников пятничной молитвы около 70% не татары, Самаре (в самой крупной в России мечети) 60-70% - не татары. Если раньше в Волго-Уральском регионе «исламским языком» считался даже не арабский, а татарский язык, то теперь «имам должен обращаться к каждому человеку, разделившему с остальными молитву»³⁹. Еще один вывод С. Градировского: «русский ислам» окончательно оформится, когда русский язык, (издавна и естественно) обладающий статусом языка коммуникации, сменит этот статус на статус **языка коммуникации**⁴⁰. Ключевой тезис, вытекающей из авторской логики, гласит, что русскоязычная умма – часть Русского Мира (по аналогии с русскоязычной частью Израиля) так же, как часть Русского Мира – частью Мировой Уммы. «Таким образом, русский ислам – это явление, которое принадлежит как исламской, так и русской культуре, в том числе политической культуре», – заключает С. Градировский.

В практическом плане каких-то радикальных институциональных преобразований при этом, в общем-то, не предлагается, если не считать призывов к созданию «резидентных исламских концептуальных центров» или реформы системы религиозного образования (стандарты, методики, учебники и проч.).

Одно из контекстуальных обстоятельств, которое получает принципиальное значение при обсуждении перспектив «русского ислама», состоит в смене моделей этнодемографического развития, прежде всего (как получается у С. Градировского) в Урало-Поволжье. Если еще недавно, как пишет автор, Поволжье было «оседлой чересполосицей – славяно-тюрко-

угорской или, в другом срезе, исламо-христианской, - то сегодня оно на наших глазах превращается в «лоскутное одеяло». Что опасно? «Лоскутизация» - один из важнейших элементов «балканизации», как считают некоторые исследователи причин южно-европейского кровопролития». Следующий из наиболее важных аспектов – «процесс устойчивого давления южного антропотока». В наступившем десятилетии большая большинство мигрантов будет состоять не из русских и не из православных, а из мусульман⁴¹.

С. Градировский – один из основных авторов доклада Центра стратегических исследований ПФО «Государство. Антропоток», в котором названные тенденции на сегодня подтверждения еще не получают. В большинстве национальных республик Поволжья продолжается процесс гомогенизации за счет увеличения доли титульного населения. В докладе приведены данные об этнической структуре миграционного прироста (убыли) населения субъектов ПФО в 1997-2001 годах :

Республики		Титульные народы РФ	В том числе:		Титульные народы респ.
			Русские	Титульные народы ПФО	
ПФО в целом	323,5 т.	264,6 т.	179,6 т.	85,0 т.	
Башкортостан	36,8	33,8	5,5	28,3	9,3
Марий-Эл	3,8	3,0	1,9	1,1	1,1
Мордовия	-5,8	-6,2	-4,0	-2,2	-1,9
Татарстан	55,1	51,0	10,2	40,8	38,0
Удмуртия	7,0	6,0	3,8	2,2	2,1
Чувашия	9,6	8,6	1,5	7,1	6,7

Таким образом, доля «своего народа» в этом миграционном приросте составила для Чувашии 69,2 процента, для Удмуртии – 29,5 процента, для Татарстана – 69,0 процентов, для Мордовии – 30,1 процента, для Марий-Эл – 32,1 процента, для Башкортостана – 24,9 процента (для сравнения: татар, которые едут в места своего расселения, – 45%). При этом этническая структура народов стран СНГ в миграционном приросте ПФО за 1997-2001 годы выглядит так:

украинцы – 39%, армяне – 14%, азербайджанцы – 13%, казахи – 10%, таджики – 8%, узбеки – 7%, белорусы – 4%, молдаване – 2%, грузины – 2%, туркмены – 1%, киргизы – 0%⁴².

Как видим, в регионах ПФО «давление южного антропотока» в наши дни особыми критическими величинами не характеризуется.

Численность татарского населения в некоторых регионах России при этом составляет:

Санкт-Петербург и Ленинградская область	- 120 000
Москва и Московская область	- 1 200 000
Ниж.Новгород и Нижегородская область	- 100 000
Ульяновская область	- 200 000
Самара и Самарская область	- 120 000

Татарстан	- 1 600 000
Челябинск и Челябинская область	- 240 000
Башкортостан	- 1 300 000
Оренбург и Оренбургская область	- 170 000
Екатеринбург и Свердловская область	- 220 000
Пенза и Пензенская область	- 200 000 ⁴³ .

Татары, далее, по данным статистики самих субъектов ПФО, составляют заметную долю в населении других субъектов ПФО:

в Марий-Эл – 5,9% (в Йошкар-Оле – 4,7%)

в Мордовии (на 1.01.2000 г.) – 929 тыс. чел.

в Оренбургской области – 7,3 %

в Кировской области – 2,7%

в Удмуртской Республике – 7%

в Республике Чувашия (на 1.01.2000) – 1360,4 тыс. человек⁴⁴

Кроме того, судя по карте этнического состава населения ПФО, на территории округа компактными группами проживают башкиры. В Оренбургской области они занимают третье место по численности (среди нерусских этнических групп) после татар и казахов; в Пермской – второе после татар; в Свердловской области – второе после татар; в Челябинской области – второе после татар. Характерно также, что 83,3 процента башкир в Пермской области, проживающих в сельской местности, судя по данным микропереписи населения 1994 года, считали своим родным языком не русский и не башкирский языки, «другой» язык, следовательно – татарский. В Самарской области – вторая по численности этническая группа среди нерусских – казахи, компактно проживающие вдоль южных границ субъекта РФ. То же можно сказать и об Оренбургской области. В Саратовской области казахи составляют вторую по численности этническую группу населения после русских – 2,8% (татары – 2,0%).

По данным той же микропереписи населения 1994 года языковая самоидентификация татар ни в одном из субъектов ПФО не опускается ниже отметки в 80 процентов (Удмуртия, Кировская область, Самарская область в Нижегородской области – 85,9), как правило, превышая 90-процентный уровень (Башкортостан, Марий-Эл, Пензенская область, Ульяновская область). Следовательно, при анализе перспектив массового перехода языка проповеди с татарского на русский в мечетях Поволжья следует учитывать приведенные этнодемографические показатели.

Разумеется, подходить к концептуальным построениям проекта «Русский ислам», исходя из сугубо количественных критериев, было бы абсолютным упрощением. Дело – в смысловых составляющих этой идеи.

Проект вызвал резкие возражения, последовавшие из разных идеологических сегментов информационного пространства, связанного с обсуждением исламского фактора в России.

Первое. Наиболее жесткая критика проекта «русский ислам» прозвучала из масс-медийного сообщества православных журналистов. Основные мотивы критики здесь группируются вокруг двух пунктов:

а) авторам проекта приписывается роль «троянцев»-«исламизаторов», ставящих своей целью разрушение российского культурного пространства, а также – обращение в ислам правящей элиты России;

б) им же инкриминируется стремление к «захвату власти»: «Иными словами, ...тут вовсе не предполагается, что все население потянется в мечети, отказавшись от православия. Более того, это абсолютно нежелательный сценарий, поскольку в этом случае сегодняшняя мусульманская верхушка, которая по логике должна быть сторонницей исламизации славян, скорее всего, в реальности в существенной степени утратит власть. Другое дело, если ислам будет принят российской элитой, а основная масса населения останется православной. В этом случае доступ к государственному управлению, к высоким должностям для этнических русских проляжет через мечети. ...невольно вспоминается история хазаро-иудейского царства – Хазарского каганата, кстати, расположенного на территории нынешнего ПФО, в котором верхушка исповедовала иудаизм, а подданные – мусульманство и христианство»⁴⁵.

Второе. Не менее резкая отповедь «русскому исламу» была исходила от имени нескольких тысяч «русских мусульман» в лице Али Вячеслава Полосина (председателя общины новообратившихся мусульман «Прямой путь», бывшего лидера Христианско-демократической партии) и Валерии Пороховой (сопредседателя общины, переводчика Корана). Среди прочего они писали, что «этнических мусульман он [проект – Н.М.] оскорбляет попытками русификации их сложившихся веками национально-религиозных традиций (против чего они постоянно боролись), а новообратившихся мусульман он выставляет такими радикальными «реформаторами» Ислама, каких не было за всю историю его существования. Чего стоит одна только цель авторов проекта – перевод намаза на русский язык! Подобного не делали и не делают ни тюркские народы, доминировавшие в халифате, ни персы-шииты, ни новообратившиеся народы Малайзии, Индонезии и т. д.»⁴⁶.

Третье. Наиболее непримиримую позицию со стороны собственно мусульман России взялся выразить известный имам (в свое время боровшийся в Казани против ДУМ РТ), зам. председателя ЦДУМР Фарид Салман. Он обратился с открытыми письмами к полпреду президента РФ в Центральном федеральном округе Г.С. Полтавченко и Директору ФСБ РФ Н.П. Патрушеву. В этих материалах говорится о «провоцировании межрелигиозных и межнациональных столкновений», о том, что «проект «Русский ислам», включающий кампанию по принудительной исламизации православных русских России и так называемой «русификации» российского ислама, есть намеренная провокация, направленная на стравливание православных и мусульман России». По словам Ф. Салмана, во взаимоотношения российских православных и мусульман пытаются «агрессивно вмешиваться» люди, не имеющие к ним отношения⁴⁷. В целом,

получается, что пафос этих обвинений как бы устремлен к защите интересов в первую очередь православных, что вполне вписывается в стратегию Талгата Таджутдина.

Четвертое. В среде мусульманского духовенства в качестве основной мотивации проекта «Русский ислам» была усмотрена проблема перехода языка проповедей в мечетях с татарского языка – на русский. Как пишет заместитель председателя ДУМ РТ Валиулла Якупов, в дореволюционный период к татароязычной проповеди все относились спокойно, чему способствовало важное обстоятельство – халифом правоверных всего мира считался турецкий султан, говоривший на близком к татарскому османско-турецком языке. В наши дни из-за притока выходцев из средней Азии и Кавказа – а переселенцы с Юга гораздо более исламизированы, чем татары, являющиеся самым многочисленным мусульманских этносом России – в больших городах начинает проявляться недовольство чтением пятничных проповедей на татарском языке. «В результате, - пишет В. Якупов, - сейчас уже, видимо, в большинстве городских российских мечетей, кроме татарстана и Башкортостана язык проповедей меняется на русский, причем тенденция к сокращению татарской ее части все усиливается. И если ничего не предпринимать, может вскоре получиться так, что Ислам в России перестанет быть татарским, т.е. татароязычным»⁴⁸. Такая опасность усугубляется рядом причин. «...во многом татарская молодежь русскоязычна и заражена салафитскими и ваххабитскими идеями, с их отрицанием национального компонента вообще. Лозунгом ваххабитов является тезис, что в Исламе нет национальностей. Такими образом, зачастую в мечетях по вине самих молодых татар татарская речь становится запретной». Далее, в происходящем повинна, как считает В. Якупов, татарская интеллигенция: «Многие наши ученые озабочены лишь реформацией Ислама, т.е. весь смысл их усилий сводится к идее сконструировать «Ислам» без намаза, без молитвенных обязанностей»⁴⁹. Наконец, весь этот проблемный узел содержит один собственно «внутриполитический» момент для мусульманского сообщества России. Валиулла хазрат настойчиво акцентирует демократизм татарского ислама, прежде всего норму выборности мулл: «Как известно, только у татар духовенство всегда было выборно. ...муллы не избираются более нигде – ни в Средней Азии, ни на Кавказе, т. е. институт выборности мулл не мог быть импортирован к татарам. Это чисто внутреннее наше достояние. И этому завоеванию нашего народа не 200, а 1400 лет!». Эта норма была узаконена в уставе ДУМ РТ на объединительном съезде в 1998 году. На этом фоне многие «татарские» религиозные структуры на просторах России, - подчеркивает В. Якупов, - «спешат потерять «татарскость», чтобы избежать процедуры выборов». Он напоминает, что в ЦДУМР с 1995 года не проводилось съездов.

Таким образом, проект «Русский ислам» объективно отражает жизненно важную дилемму, перед которой оказались мусульмане Поволжья: сохранится или сотрется татарский облик здешнего исламского сообщества.

Это и составляет наиболее существенные основания сегодняшней альтернативы. Разумеется, речь не идет об альтернативе «Русский ислам» - «татарский ислам». Проблема заключается в чем-то другом, в том удержат ли татары свое доминирование в среде мусульман Поволжья, Урала, Москвы. Или в некой, пусть отдаленной, перспективе доминировать – не количественно, но качественно – будут пришлые южане, консолидировавшиеся при помощи русского языка как единственно доступного в данной ситуации средства коммуникации. Если ислам в Поволжье и в других «внутренних» регионах России утратит свой татарский профиль, будущее межэтнического баланса в стране окажется в ситуации неопределенности.

Татары (как и башкиры) давно и глубоко интегрированы в российский социум, разделяют многие из его культурных, ментальных. Психологических характеристик. «Дело в том, - рассуждал по этому поводу А. Малашенко, - что мусульманская татарская община и северокавказская община своей историей, характером, приверженностью традициям, степенью интеграции в современное евросоветское общество сильно разнятся. К примеру, российские мусульмане в своих взглядах по кавказской проблеме приближаются к точке зрения основной части российского общества. **У татар нет исламской солидарности, на что жалуются чеченцы** [выделено – Н.М.]. И татары, и славяне в кавказцах видят мигрантов. Поэтому и возникает вопрос о мечетях. Но здесь не может быть одного решения. Я понимаю точку зрения заместителя муфтия РТ Валиуллы Якупола, что в российских мечетях следует сохранить татарский язык как язык богослужения. Ведь татары сохранились культурно и ментально благодаря принадлежности к исламу. Но в то же время нельзя допускать, чтобы кавказцы начали строить мечети для себя. Это ведет к расколу»⁵⁰. Можно, вероятно, сделать небольшое уточнение на тот предмет, что массовое строительство мечетей для пришлых южан в центре России будет иметь одним из вероятных последствий появление политической субъектности «других» мусульман. Признаков этого в Поволжье пока, скорее всего не наблюдается. Те, кто приехал с Юга, сегодня озабочены своей приживаемостью здесь, а для многих из них это – временно состояние. Однако на отдаленное будущее исключать указанной перспективы, думается, нельзя.

¹ См.: Малашенко А. Исламское возрождение в современной России. – М., 1998. – С. 134-135.

² См.: Пресс-клуб. Islam.ru

³ См.: Политические партии и движения Республики Татарстан. – Казань, 1999. – С. 135.

⁴ См.: Мухарямов Н.М. Республика Татарстан: исламский фактор в политическом процессе (некоторые сравнительные наблюдения) // Политический процесс в постсоветской России: федеральный и региональный аспекты. – Казань, 2003. – С. 253-254.

⁵ Малашенко А. указ. соч. – С. 137.

⁶ См.: Малашенко А. Указ. соч. – С. 142-143.

⁷ См.: Мухамедьяров Ш., Логашова Б.-Р. Мусульманская община Москвы // Ислам в Евразии. – М., 2001. – С. 375.

⁸ См.: Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). – М., 2003. – С. 353.

- ⁹ См.: Независимая газета. – 16 марта 2001.
- ¹⁰ Евразийство на Юге России: Убеждения и сомнения // Независимая газета. – 8 июня 2001. См. также: Абдул-Вахед Ниязов: Мы не Европа // Парламентская газета. – 20 июля 2001.
- ¹¹ Время и Деньги. – 29 августа 2000.
- ¹² См.: Вахитов Т. Нетрадиционный ислам // Звезда Поволжья. – 24-30 мая 2001.
- ¹³ Время и Деньги. – 4 июля 2001.
- ¹⁴ Александр Дугин: Золотая моя Орда! // Восточный экспресс. – 21-27 марта 2003.
- ¹⁵ См.: Терентьева И.В., Беляков Р.Ю., Сафаров М.Ф. Республика Татарстан: политические партии, движения, лидеры. – Казань, 2001. – С. 46-57.
- ¹⁶ Цит. по: Мухаметшин Р. Ислам в общественно-политической жизни Татарстана в конце XX века. – Казань, 2000. – С. 68.
- ¹⁷ См.: Терентьева И.В., Беляков Р.Ю., Сафаров М.Ф. – Указ. соч. – С. 67-68.
- ¹⁸ Восточный экспресс. – 17-23 мая 2002.
- ¹⁹ Якупов В. Мера Ислама (к проблеме адекватного конкретно-исторического понимания вечных шариатских истин). – Казань, 2004/1425. – С. 38-39.
- ²⁰ Филатов С. Религиозная жизнь Поволжья. Прагматичное христианство // Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России. – М., 2002. – С. 59-60.
- ²¹ Батунский М. сламские проблемы в контексте российской политики и науки // М.В. Иордан, Кузеев Р.Г., Червоная С.М. Ислам В Евразии. – М., 2001. – с. 233.
- ²² Тульский М. Ваххабиты в России побеждают умеренных мусульман? Пока имеет место триумф в информационной войне, но виртуальный успех может превратиться в реальный // Независимая газета. – 19 июля 2001.
- ²³ Ислам нужно не возрождать, а осмысливать // Независимая газета. – 17 августа 1996.
- ²⁴ Власти Татарстана поддерживают ваххабизм? // Время и Деньги. – 16 мая 2000.
- ²⁵ Лидеры мусульманского раскола. Тульский М. Талгат Таджуддин // Фигуры и лица. - № 12. – 28 июня 2001.
- ²⁶ Хузин в расчете получить поддержку расистов использует теракты // Islam.Ru. - 1 сентября 2004.
- ²⁷ См.: Рязанов Н.Х. Исламские учебные заведения в России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень. – 2001. - № 3. – С. 77-82.
- ²⁸ Ваххабиты атакуют Татарстан. Идеологически... // Время и деньги. – 22 января 2003.
- ²⁹ «У нас идеальные межконфессиональные отношения». Муфтий Татарии говорит о специфике татарского ислама // Независимая газета. – 11 мая 2001.
- ³⁰ См.: Гатин Р. Русская идея: внутриисламский разлом // Время и деньги. – 26 октября 2001.
- ³¹ Муфтий Таджуддин не стал «живым щитом» Багдада. Делегация религиозных джеятелей России посетила Ирак накануне войны // НГ Религии. – 3 5. – 19 марта 2003.
- ³² Силантьев Р. Христиане и мусульмане объединились против США // НГ Религии. – № 6. – 2 апреля 2003.
- ³³ См.: Сергиевский С., Петровская Ю., Фатуллаев М., Гликин М. Джихад в тылу союзников США. Муфтия Таджуддина пытаются представить экстремистом-одиночкой, хотя он опирается на взгляды части 20 миллионов мусульман России // Независимая газета. – 7 апреля 2003.
- ³⁴ Исламисты призывают джихад на свою голову // Время и Деньги. – 4 июля 2001.
- ³⁵ Недумов О., Щипков Д. Страна лишилась Верховного муфтия. Талгата Таджуддина отлучили от ислама // Независимая газета. – 15 апреля 2003.
- ³⁶ Имам Мукадас Бибарсов: «Не может быть оправданий действиям террористов» // Курьер. – 8-14 сентября 2004.
- ³⁷ Цит. по: Понкин И.В. Анализ проекта концепции «Русский ислам» // Звезда Поволжья. – 13-19 марта 2003.
- ³⁸ См.: Градировский С. Культурное пограничье: русский ислам // Государство и антропоток // <http://antropotok.archipelag.ru>
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Любопытно, что С Градировский пишет, что «различение языка идентичности и языка коммуникации **появилось** (выделено – Н.М.) благодаря дискуссиям с Сергеем Переслегиным». В то же время этот тезис достаточно давно рассматривается в социолнгвистике – в частности, в трудах В.Алпатова – в качестве аксиоматического и самоочевидного, связанного с дифференциацией функций языка в зависимости от потребности взаимопонимания и потребности самовыражения.
- ⁴¹ См. Градировский С. Указ. соч.
- ⁴² См.: Доклад 2002. Государство. Антропоток. – Нижний Новгород, Москва, 2002. – С. 77-80.
- ⁴³ См.: татары на карте мира // Националь. – 2004. - № 2. – С. 30-31.
- ⁴⁴ См.: Приволжье 2001. Промышленно-экономический справочник-каталог по Приволжскому федеральному округу. – Нижний Новгород, 2001.
- ⁴⁵ На руси запахло кровью и серой // Служба новостей Русское небо. – <http://www/otechestwo.org> . См. также: Ход троянским конем. Осторожно: проект «Русский Ислам» осуществляется полным ходом... // Самарская епархия // Там же; Долгополова С. Спасет ли Магомет Россию? // Там же; Державин А. «Русский

ислам» рвется к власти под видом борьбы с религиозным экстремизмом // Там же. – 2 декабря 2002; Понкин И.В. Анализ концепции «Русский ислам» // Звезда Поволжья. - № 10-15 2003.

⁴⁶ Документ: Заявление русских мусульман о проекте «Русский ислам» // Портал CreDO.RU

⁴⁷ См.: Салман Ф. Югославский сценарий? // Звезда Поволжья. – 5-11 декабря 2002; Русский Вестник. – 3 апреля 2003.

⁴⁸ Якупов В. Мера Ислама. – Еказань: Иман, 2004/1425. – С. 24.

⁴⁹ Там же. – С. 25.

⁵⁰ Как быть мусульманам. Рецепт политолога алексея Малашенко // Восточный экспресс. – 4-10 июня 2004.